

Бенгальская сказка: Махуа

Давным–давно в горах Гаро, недалеко от снежных вершин Гималаев, жили цыгане. Время от времени они снимались с места и бродили по деревням, показывая разные фокусы и акробатические номера, и так зарабатывали себе на жизнь. Иногда они спускались к реке Дхану, в округе Майменсинх, и, собрав немного денег, возвращались в родные места, жили там несколько месяцев, а затем вновь отправлялись в путь.

Их главарем был человек богатырского сложения. Звали его Хомра. Несмотря на его свирепый вид и жестокий нрав, в таборе он пользовался уважением. Цыгане видели в нем главаря, под опекой которого они сами, их жены и дети были в безопасности. Его всегда слушались беспрекословно.

Цыгане занимались не одной акробатикой. Тихие и мирные днем, под покровом ночи они порой преображались и тогда становились бандой грабителей – забирались в дома и уносили с собой все, что попадалось под руку.

Жила в таборе девушка лет шестнадцати, по имени Махуа, приемная дочь Хомры. Ни одна другая девушка–цыганка не могла сравниться с ней красотой и искусством акробатики. Тоненькая и стройная, быстрая и легкая, словно птица, всегда веселая и жизнерадостная, она как никто умела танцевать на канате, натянутом между двумя бамбуковыми шестами.

У Махуа были большие темные глаза и длинные черные волосы, окутывавшие ее стройную фигурку. И хотя цыгане принадлежали к низшей касте, все движения Махуа были грациозны, как у настоящей принцессы. Короткая красная кофточка, красная юбочка, ниточка цветных бус на шее – вот и весь ее наряд.

Говорили, что Хомра выкрал ее из дома одного пожилого брахмана, когда ей было всего шесть месяцев. Вырастила ее жена Хомры. Девочка была необычайно красива, и ей дали имя Махуа, что значит «Горный цветок». Потом жена умерла, и Хомра один растил девочку, заботливо и нежно. И вот теперь она расцвела, и, если говорить правду, именно благодаря ее красоте и искусству цыгане могли зарабатывать себе на жизнь.

Цыгане редко наведывались в крупные города и посещали больше деревни. Они старались, чтобы их появление выглядело эффектно. Флейтисты и барабанщики доставали инструменты и начинали играть веселые мелодии. Собаки приветствовали их лаем, за ними с криком и шумом бежали мальчишки. Для деревенских жителей, молодых и старых, приход цыган с их громкой музыкой и захватывающими представлениями всегда был большим событием.

Во главе процессии царственно выступал Хомра. За ним, смеясь и танцуя, шла Махуа. Потом – флейтисты и барабанщики, а затем – танцоры и акробаты с семьями. Кто–то нес на себе узлы с пожитками или декорации, кто–то вел мула, нагруженного брезентом, веревками и бамбуковыми шестами, кто–то – охотничью собаку или козу с подвязанным выменем. Вместе с цыганами в большой ржавой клетке всегда путешествовал старый попугай с томными глазами. А один пожилой цыган носил с собой деревянный ящичек с талисманом: ходили слухи, что это была кость дьявола.

В деревне Баманканда, расположенной на реке Дхану, жил богатый молодой брахман по имени Надер–чанд. Он еще не достиг совершеннолетия, когда умер его отец, оставивший ему богатое наследство. С помощью матери юноша справлялся с хозяйством и стал уже довольно независимым, хотя и не выходил из–под ее воли. А мать очень любила его и считала, что его ниспослало ей само небо.

Однажды, когда Надер–чанд сидел с друзьями во дворе своего большого дома, появился слуга и с поклоном доложил:

– Господин, в деревню пришли цыгане. Они просят разрешить им дать представление. Их довольно много, а среди акробатов есть молодая девушка редкой красоты, по имени Махуа. Я видел ее собственными глазами и могу заверить, что никогда еще не встречал девушки привлекательнее ее.

Слова слуги заинтересовали молодого брахмана. Это был человек талантливый, с большим воображением. Он любил разные зрелища и охотно согласился посмотреть выступление цыган.

Не прошло и часа, как все приготовления были закончены, и двор заполнился зрителями, среди которых было много друзей Надер–чанда и именитые жители деревни.

Представление началось. Акробаты прыгали, кувыркались, танцевали, проделывали всевозможные трюки на земле и в воздухе. Затем настала очередь Махуа. Она грациозно подошла к высокому бамбуковому шесту и слегка покачала его, чтобы убедиться, что он прочно укреплен в земле. Прodelала она это скорее по привычке, чем из боязни. Молодой Надер–чанд, сидя в кругу своих друзей, глядел на нее с улыбкой и интересом. Она взобралась на шест и стала танцевать на туго натянутом канате. Ее браслеты мелодично позвякивали в такт барабанам и флейтам.

– Боже мой, она сейчас упадет! – прошептал Надер–чанд.

Но Махуа не упала, а, закончив свой танец, спустилась с шеста и предстала перед молодым брахманом.

– Я показала вам свое искусство, господин, и жду награды.

Надер–чаид тут же снял с пальца золотое кольцо с бриллиантом и бросил девушке. Возглас изумления прокатился среди присутствующих. Махуа подняла кольцо и поклонилась. Хомра, увидев щедрость Надер–чанда, вышел вперед.

– Господин мой, – сказал он смиренно, – дай нам немного земли, где мы могли бы жить, и да благословит тебя бог.

Надер–чанд был так доволен выступлением Махуа, что тут же исполнил просьбу Хомры и дал цыганам деньги на постройку жилья.

Невдалеке от деревни Баманканда, на земле, которую подарил Надер–чанд, цыгане построили большой дом и стали в нем жить.

Однажды Надер–чанд возвращался с вечерней прогулки берегом реки и у ступеней гхата повстречал молодую женщину с кувшином на плече. Он сразу же узнал Махуа, так как все время помнил о ней. Глаза их встретились, и взгляды были красноречивее любых слов.

После этого вечера двое влюбленных стали часто встречаться на том же месте и в то же время. Как лиана со временем все крепче обвивает дерево, так и любовь к Махуа все сильнее завладевала сердцем Надер–чанда. Если бы речь шла только о богатстве или положении, он всем пожертвовал бы ради своей любви. Но Надер–чанд принадлежал к священной касте брахманов, а Махуа была пария, можно сказать, неприкасаемая. Даже малейшее подозрение в связи с девушкой–цыганкой могло навлечь на юношу грозу и разбить сердце матери.

Что он мог поделать? Ночь за ночью лежал Надер–чанд без сна, пытаюсь найти выход из ужасного положения. Его цветущее лицо осунулось и поблекло, он стал избегать друзей и проводил дни в печальном уединении. Весь день с нетерпением ожидал он захода солнца – часа, когда можно будет встретиться с любимой.

Однажды, придя на свидание, Надер–чанд был встревожен печальным и расстроенным видом Махуа. Он спросил, в чем дело, и замер в

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

ожидании ответа. Махуа никак не могла решиться сказать и наконец голосом, полным отчаяния, произнесла:

– О мой повелитель, отец открыл нашу тайну и решил навсегда покинуть Баманканду, бросив дом и имущество. Мы уходим сегодня ночью. Как я буду жить, не видя тебя? – спросила она, глядя на него глазами, полными слез.

– Моя Махуа... – начал Надер-чанд, но не смог вымолвить больше ни слова. Так и стояли они в полном молчании. Наконец Махуа сказала:

– Если ты захочешь увидеть меня, приходи в горы и найди дом, дверь которого выходит на юг, она увита чамиаком. Наша труппа пробудет там некоторое время, а затем мы отправимся в новые странствия.

Сказав это, она ушла. А Надер-чанд остался стоять на месте будто громом пораженный.

Прошло три месяца. И вот однажды, когда Хомра сидел на пороге своего дома в горах Гаро, к нему подошла Махуа с юношей, одетым в крестьянское платье. Незнакомец был молод и статен. По его изнуренному виду Хомра понял, что юноша не ел уже несколько дней. Гость не поднимал головы и избегал смотреть в глаза.

– Отец, – сказала Махуа. – Я встретила этого человека в лесу. Он говорит, что у него никого нет. Юноша хочет вступить в нашу труппу. Он мечтает научиться нашим акробатическим номерам и готов слушаться тебя во всем.

Хомра испытующе посмотрел на юношу.

– Хорошо, парень, – сказал он многозначительно, – увидим, на что ты годишься.

Ночью, когда все уснули, Махуа тихо поднялась со своей постели. На небе не было ни луны, ни звезд. Она с трудом пробралась к берегу реки Кангша, где под деревом, на куче сухих листьев, спал молодой крестьянин.

– Мой повелитель, проснись, – прошептала она. И, увидев, что он открыл глаза, добавила: – Я боюсь, что отец догадался, кто ты, и замыслил тебя убить. Мы должны бежать, пока не поздно.

Они бросились к привязи, где стояли кони Хомры, взяли двух самых быстрых скакунов и пустились в путь. Они ехали всю ночь и на рассвете остановились на опушке огромного леса. Махуа расседлала коней и ласково похлопала их по крупам.

– Передайте моему отцу, – сказала она, – что его дочь Махуа растерзали тигры.

И лошади поскакали назад.

Взявшись за руки, Надер-чанд и Махуа вошли в лес, покинув мир во имя своей любви, и стали жить вдвоем беззаботно, как птицы. Они питались плодами, которые росли повсюду в изобилии, утоляли жажду холодной и чистой ключевой водой. Во время дневной жары они укрывались под сенью больших, тенистых деревьев, а ночью спали в пещере или в дупле дерева. Они чувствовали себя безгранично счастливыми, забыв родителей и не думая больше о мире, лежавшем за пределами этого леса. Молодые люди радовались птицам и их песням. Иногда Махуа сплетала из диких цветов гирлянды и надевала их на шею любимого, а он разыскивал и приносил ей самые вкусные плоды, охранял от всяких невзгод, защищал от диких зверей. Постепенно все обитатели леса привыкли к ним и признали своими друзьями. Влюбленные бродили с места на место и нигде подолгу не задерживались. Жизнь для них была словно сон, не омраченный мыслями о пробуждении. Так прошло много месяцев.

Но однажды, когда они были в глубине леса, Махуа внезапно услышала собачий лай. Она замерла на месте, скованная страхом.

– Что случилось, любимая? – спросил с тревогой Надер-чанд.

– Увы, настал конец всему, и так скоро... – ответила Махуа голосом, полным отчаяния. – Ты слышал лай? Это собака моего отца, я знаю ее голос. Отец выследил нас и через несколько минут будет здесь. Выхода нет, это судьба.

Не успела она произнести эти слова, как из-за деревьев появился Хомра со своими людьми и собаками. Черный цыган пылал от ярости. Держа в руках огромный отравленный кинжал, он приблизился к ним.

– Махуа, – загремел его голос, – если ты хочешь жить, убей этого человека!

Дрожащими руками, но с твердостью в сердце она взяла кинжал из рук цыгана. Будто забыв о Хомре, его людях и собаках, она медленно подошла к своему любимому.

– Мой милый муж, – сказала она дрогнувшим голосом, – прости меня за мой поступок, но другого выхода нет. Это судьба...

С этими словами она вонзила себе в грудь кинжал и, бездыханная, упала к ногам возлюбленного. Сделала она это молниеносно, словно дикий зверь, доведенный до отчаяния.

На мгновение Хомра остолбенел. Затем он повернулся к своим людям и в бешенстве закричал:

– Чего вы ждете? Убейте его!

И верные цыгане не посмели ослушаться приказа своего главаря.

Другие Бенгальские сказки